

ЕЛЕНА ВОРОНИНА (Тарту)

НАЗВАНИЯ НАЛИМА (*ЛОТА ЛОТА*) В МАРИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ

Abstract. Names for Burbot (*Lota lota*) in Mari Dialects

The article is about the analysis of the designations of burbot (*Lota lota*) in Mari dialects. The analysis has allowed to determine six naming units of which one is of Finno-Ugric origin (*шамба*), two are of Mari origin (*мокшынчо*, *шимгол*) and one is Russian (*налим*). The question of the origin of the fish names *мен* and *лямбе* remains open.

Keywords: Mari dialects, ichthyonym, burbot (*Lota lota*), etymology, naming principles.

В настоящее время одним из актуальных направлений марийского языкознания стали исследования отдельных тематических групп слов. Ихтионимическая лексика относится к основному словарному фонду языка и отражает одно из древнейших занятий наших предков — рыболовство. Цель работы — анализ названий налима (*Lota lota*) в марийском языке, по возможности раскрытие их этимологии.

Налим — единственный представитель семейства тресковых, обитающий в пресной воде. Его внешний вид и образ жизни свидетельствуют, что это рыба реликтовая, сохранившаяся с ледникового периода (Сабанеев 1959 : 47). В Республике Марий Эл налим встречается во всех реках, наиболее многочислен он в Ветлуге, Большой Кокшаге, Ошле и Илети (Балдаев, Ефремов 1971 : 80). В ходе исследования выявлены названия налима: *мокшынчо*, *мен*, *шамба*, *лямбе*, *шемгол*, *налим*. Рассмотрим их подробнее.

1. Обобщающее название для налима *мо к ш ы н ч о* (СМЯ IV 73), несколько иначе оно звучит в северо-западном наречии марийского языка: *мо к ш ъ н ц ѝ* (СЗНМЯ 130). В диалектологических словарях марийского языка ихтионим *мокшынчо* 'налим' представлен в фонетических разновидностях: *mòkʰšând'ž'e* (Beke 2380), *mokšân, d'ž'o*, *mokšân, d'ž'o*, *mo·kʰš=ń, b'ž'o*, *mokʰši·ń, d'ž'd*, *mokʰši·ń, b'ž'd*, *mo·kšín, d'žə*, *mo·kšânDZz* (Moisio, Saarinen 2008 : 385). Особенно часто *мокшынчо* встречается в луговом наречии марийского языка.

В этимологическом словаре мордовских (эрзянского и мокшанского) языков мордМ *максака* '1. хомяк. 2. диал. налим' сравнивается с мар. *мо к ш и н ч е*, *мо к ш ы н ч о* то же, мордЭ *макса́рка* 'вьюн'. Предполагается,

что эти слова в основе имеют элемент *макса* 'печень', т. е. орган, отличающийся особым темно-коричневым цветом, в какой-то степени характерным для диких хомяков, а также для налима и вьюна. Приводятся примеры: марГ *кугимоки* 'гриб-чага' (букв. 'березовая печень'), удм. *мус* в *вумус* 'сланец' (букв. 'водяная печень') (Вершинин 2005 III 227).

Вполне вероятно, что мар. *мокшынчо* связан с органом налима печенью. У налима она очень большая и считается деликатесным продуктом. По словам информантов, налима ценили и ценят за его печень. На наш взгляд, происхождение марийского слова логичнее связать с корнем *моки* 'печень' уральского происхождения (**maksa*, ср. фин. *taksa*, эст. *taks*, ижор. *taksa*, мордМ *макса*, мордЭ *максо*, коми *тис*, удм. *тис*, хант. *тӧүэл*, *тӧүэл*, манс. *māj̄t*, венг. *máj*, нен. *mid^o*, эн. *тис*, нган. *mitə*, сельк. *m̄ite*, кам. *m̄itə* (EES 273; Bereczki 2013 : 144)) + *-ынчо* — словообразовательный суффикс.

2. Наряду с *мокшынчо* для обозначения налима употребляется *мен* (СМЯ IV 43). По письменным источникам, *мен*, а также *men-kol* (Szilasi 1901 : 122), *menⁿ-gol* (Ramstedt 1902 : 78), *men-col*, *mèn-gol* (Beke 1422) распространены в говорах горного наречия марийского языка. Лексема *мен* интересна с точки зрения этимологии. В марийском языкознании она относится к финно-угорскому наследию (Барцева, Галкин 2003 : 16). Так же считает И. Шебештён. Она приводит примеры: фин. *tonni* 'сом (*Silurus glanis*)', венг. *mény-hal* 'угорь (*Murena*)', *menyhal* 'налим (*Lota vulgaris*)', *ményhal* 'налим (*Lota vulgaris*)'; голец обыкновенный (*Cobitus barbatula*) и др.; мордМ *mäntuk* 'налим', мордЭ *mentuk* то же; саам. *toanji* 'сиг обыкновенный (*Coregonus lavaretus*)' и др. (Sebestyén 1935 : 54). В этимологическом словаре мордовских языков морд. *ментюк* 'налим' сравнивается с рус. *ментюк*, *мень*, *менусь* 'налим' (Вершинин 2005 III 247). Рус. *мень* 'налим' < праслав. **тъль* родственно литов. *mėnkė* 'треска'. Неясно взаимоотношение с и.-е. *mīnds* 'какая-то рыба' (Фасмер 1986 : 599).

Рус. *мень* чаще всего отождествляется с фин. *tonni*. Вероятно, что славянское наименование, как считает В. И. Вершинин (2005 III 247), финно-угорского происхождения, а германское, может быть, славянского. Но если обратиться к этимологическому словарю финского языка Кайсы Хяккинена (Häkkinen 2007), можно обнаружить, что *tonni* впервые появилось в 1786 году в словаре Кристфрида Ганандера. Как указывает автор, *tonni* не финского происхождения, а предположительно германского, аналогов в финских языках не встречается. У финнов же было древнее слово для наименования сома — *säkiä*: «Напротив, другое название той же рыбы *säkiä* относится к древнейшей исконной лексике, а *tonni*, очевидно, германское заимствование» (Häkkinen 2007 : 724). В SKES предполагается, что фин. *tonni* 'голец обыкновенный (*Silurus glanis*)', *mollu* 'сом' может быть германским заимствованием (< ? ср.-н.-нем. *tonne* 'какой-то вид плотвы, сом', нем. *tonne* 'какой-то вид карпа' (SKES 347)). Г. Березки и К. Редери не упоминают его среди слов финно-угорского происхождения (UEW; Bereczki 2013).

Небезынтересно отметить статью Н. А. Потевского, в которой анализируемый ихтионим и деривационные элементы отнесены к древнейшему периоду истории славянских языков. Автор оспаривает финно-угорское происхождение слова и предлагает истоки номинации с праиндоевропейской основой *men-/min-/mik-* 'большой, крупный, ве-

ликий' (Потевский 2014). Конечно, отнесение названия к индоевропейским языкам далеко не бесспорно, однако широкая распространенность его вариантов в диалектах славянских языков делает гипотезу достаточно вероятной.

Основное местопребывание налима — северные реки, впадающие в Ледовитый океан, он коренной житель северной России и Сибири. Что касается XI—VII вв. н. э., периода становления праславянского языка и распространения славян на европейском континенте, то температурные показатели тогда были ниже, зимы суровее, а значит, территории обитания *мёня* шире. Собственно название *мень* могло возникнуть как на севере, так и на юге ареала праславянского языка, комплекса Пражской, Пеньковской и Колочинской культур. Л. Сабанеев (1959 : 178) отмечал, что *менем*, *мньюхом* называют налима чаще на юге, на севере он сохраняет литературное наименование.

Однако Адам Хюллестед (Hyllested 2014) утверждает, что в балтийских языках *теп* 'налим' является заимствованием из прамарийского языка, которое, в свою очередь, имеет уральское происхождение, и сравнивает его с венг. *měny-hal* 'налим' ~ *měnyét* 'ласка', где *hal* 'рыба' (букв. 'бородатая ласка-рыба'), ср. *měnyét* 'ласка' < *měny* 'невестка', а старовенг. 'невеста' < праугор. **minā* 'невестка; юная девушка'. Ласка, животное из семейства куньих, и налим, пресноводная рыба, имеют некоторое сходство во внешних чертах, а также в поведении в природе. Использование слова *ласка* и терминов, относящихся к семейству куньих для обозначения понятий 'невеста; невестка; свояченица, невестка', или 'младшая невестка', исторически связано с символом, чистоты, чистой, девственной и желанной молодой женщины и весьма распространено на западе Евразии. Более того, у венгерских и марийских терминов много соответствий, поскольку они имеют общую праформу, а в колтта-саамском языке встречается *manij* '(большая) белянка (*Coregonus lavaretus*)', *moanji*, *moanjigaž* '(большая) белянка'. Распространение этих терминов, вероятнее всего, связано с торговлей пушниной на побережье Балтийского моря, что указывает на ранние языковые контакты между волжскими и прибалтийскими племенами. Славянские суффиксальные формы могли быть либо заимствованиями из балтийских языков либо параллельными образованиями (Hyllested 2014 : 204—10).

Такое широкое распространение слова предостерегает от категорического решения вопроса, поэтому рассматриваем мар. *мен* 'налим' как финно-угорское наследие только под вопросом.

3. Еще один вариант названия налима — *ш а м б а* (СМЯ IX 28) — широко распространено в волжском говоре марийского языка. И. Шебештьен причисляет эту лексему к финно-угорскому пласту и констатирует, что из марийского языка она перешла в чувашский: фин. *sampi*, *samti*, *sāmpi*, *sempi* и др.; кар. *saippa*; эст. *samb*, *samt*; хант. *supī*, *sopī*, *šupi* и др. 'осетр' (Sebestyén 1935 : 53). Л. И. Барцева и И. С. Галкин тоже возводят мар. *шамба* 'налим' к финно-угорскому периоду (Барцева, Галкин 2003 : 16). Н. И. Исанбаев встречающуюся в заказанском говоре татарского языка лексему *шамбы* 'налим' относит к заимствованиям из марийского языка, сопоставляя с фин. *sampi* 'осетр', венг. *combó* (современное написание *сотрб* 'линь' — прим. автора) (1989 : 158).

Этимологически мар. *шамба* 'налим' связывают с чув. *шампӑ* 'налим, голец, головостик' (Szilasi 1901 : 211; Moisiso, Saarinen 2008 : 662). В этимологическом словаре финского языка приводятся примеры из разных диалектов, в одном из них слово употребляется в значении 'налим'. Указывается, что из марийского языка оно перешло в чувашский: чув. *šatva*; башк. *šambā* 'налим', мишарский диалект татарского языка *šamba*, а венг. *combó* 'suutari (*Tinca vulgaris*)', вероятно, тюркского происхождения (SKES 963). К. Редеи считает мар. *šamba* 'налим' чувашским заимствованием (UEW 462).

Г. В. Лукоянов (1974 : 58) чув. *шампа* (*шамба*) 'налим, голец, головостик' причисляет к марийским заимствованиям и сопоставляет с венг. *comró* и фин. *sampi* 'осетр'. Сопоставить тат. *жумба* с мар. *шамба* затруднительно, а башкиры (*шамбы* 'налим') могли заимствовать у марийцев. М. Р. Федотов ставит знак равенства между марийским и чувашским словами. Связывает, правда, под вопросом с венг. 'налим, голец, головостик' а также с фин. *sampi* 'осетр', башк. *шамбы*; каз., тур. *жумба* 'налим' (Федотов 1990 : 87). По мнению Р. Г. Ахметьянова, слово заимствовано в татарский язык, вероятно, «из древних финно-угорских языков» (1994 : 26).

В этимологическом словаре эстонского языка при рассмотрении происхождения *samb* (*samma*) 'осетр' слово сопоставляется с фин. *sampi* 'осетр; большая рыба', (?) манс. *supiγ* 'осетр; большая рыба' и предполагается, что оно имеет финно-угорскую основу, но из-за незначительного количества соответствий эта версия маловероятна (EES 459). Уместно, на наш взгляд, включение марийского слова в указанное этимологическое гнездо. Сравнение значений показывает, что обско-угорское и прибалтийско-финские слова со значением 'осетр; большая рыба' соотносимы с мар. *шамба* 'налим'. Осетр и налим — рыбы крупные. По словам информанта, «раньше в реках было больше налима, размер их доходил до метра» (У. А. Тихонова). Не исключено, что анализируемая лексема первоначально функционировала как 'рыба больших размеров', потом, видимо, в период отдельной жизни марийского языка произошло сужение значения. В других родственных языках параллельных образований не обнаружено.

В. И. Вершинин по поводу анализируемого слова пишет, что оно «существует лишь на землях нынешнего и/или бывшего проживания марийцев» (2018 : 642). Тем самым можно предположить, что мар. *шамба* 'налим' является лексическим наследием финно-угорской языковой общности.

4. В марийских письменных источниках зафиксирована лексема *л я м б е* (СМЯ III 500). И. В. Вершинин предполагает финно-угорское происхождение, так как мордМ *лямас* (-ас как суффикс) 'пескарь, плотва', коми *люнь* 'мелкая щука', *ляпа* 'подлещик', удм. *ляпа* 'сом'. Может быть, близкое к *лем*, *лям* 'жир, липкая жидкость', т. е. ихтионим первоначально мог относиться к скользкой, липкой из-за слизи рыбе (Вершинин II 224). Хотя позже он трактует это название иначе, обнаружив соответствие *l-* и *š-* в *лямбе шамбе* (Вершинин I 311). На наш взгляд, логичнее сопоставить не со словами *лем*, *лям* 'жир, липкая жидкость', а с *лӓм*, *лӓм* 'нанос, муть, ил' (Вершинин 2011 : 277), *la'm*, *l'äm* и др. 'ил, тина, грязь' (Веке 1391), которые распространены у носителей восточ-

ного наречия марийского языка. Но не исключено, что *лям* в значении 'ил, тина' когда-то бытовало в речи у всех марийцев, (см. ЧРС). При описании рыбы информанты подчеркивали, что для налима характерен донный образ жизни, рыба зарывается в ил, так как предпочитает прохладу. Лежат в тине и питаются падалью, поэтому налим очень пахнет тиной (А. Н. Тихонов). Мы думаем, что эти лексические единицы этимологически взаимосвязаны и восходят к одному корню.

Кажущаяся на первый взгляд очевидной связь *лямбе* 'налим' с соответствиями из других финно-угорских языков представляется неправомерной, так как с семантической точки зрения они несопоставимы. Фонетическая сторона рассматриваемых слов тоже остается открытой, поэтому делать определенные выводы затруднительно. В одном из говоров русского языка встречается название *ляма* 'налим'. Возможно, что оно восходит к финно-угорскому корню (Усачева 2003 : 39).

Опираясь на изложенные выводы, данную лексику считать финно-угорским наследием можно только под вопросом.

5. В диалектологическом словаре Э. Беке зафиксирован ихтионим марГ *š i t - γ o l* 'Quappe' ?; 'Schlei' (Beke 2380), который встречается в восточном наречии марийского языка. Он сложный: *š i t* (*шем, шеме*) 'черный' + *γ o l* (*кол*) 'рыба'. Название связано с цветовой окраской рыбы.

6. В основе русского заимствования *налим* лежит отождествление с грязью, слизью. Возможно, из-за слизи на теле или из-за среды обитания, хотя налим предпочитает чистую проточную воду, в русском языке слово получило толкование: «Налим — жидкий, черный шлак, гарь, вытекающая из домны, пловун», в псковских говорах идиома «съесть налима» имеет значение 'упасть, растянуться, шлепнуться в грязь' (Даль II 345). Происхождение названия вызывает споры в научном сообществе и представляет собой лексику с непрозрачной этимологией.

Анализ марийских названий налима показывает, что для данного ихтионима имеется шесть единиц, из них одно финно-угорского происхождения (*шамба*), два образовались на базе марийского языка (*мокшынчо, шемгол*), одно представляет собой русское проникновение. Вопросы возможны в связи с ихтионимами *мен* и *лямба*.

Следует отметить, что в результате проникновения русских заимствований многие исконные слова из активного словарного запаса переходят в пассивный. Рассмотренные здесь ихтионимы в разговорной речи не употребляются, они зарегистрированы в словарях. Причиной заимствования послужили экстралингвистические факторы, среди них основные — двуязычие марийцев и восприятие иноязычного слова как более престижной номинативной единицы.

Ихтиологические термины — ценный лингвистический материал, сбор, систематизация и историко-этимологическая интерпретация которого имеют большое значение для этногенеза как марийского, так и родственных финно-угорских, а также неродственных соседствующих народов Волго-Камского региона.

Address

Elena Voronina
University of Tartu
E-mail: lebedok1979@mail.ru

Сокращения

СМЯ — Словарь марийского языка (в 10 томах), Йошкар-Ола 1990—2005; **СЗНМЯ** — Словарь северо-западного наречия марийского языка, Йошкар-Ола 1971; **ЧРС** — П. Ерусланов, Черемиско-русский словарь. Архив Санкт-Петербургского ИВРАН, Р. II, оп.5, ед.хр.3; **Beke** — Ö. Beke, Mari nyelvjárás szótár. Tscheremissisches Dialektwörterbuch. Unter Mitarbeit von Zsófia M. Velenyák und József Erdődi. Neu redigiert von Gábor Bereczki. Bearbeitet von Margarita Kuznecova. Herausgegeben von János Pusztay, Savariae 1997—2001 (Bibliotheca Ceremissica. Tomus 1—9).

башк. — башкирский; **и-е.** — индоевропейские; **литов.** — литовский; **каз.** — казахский; **нем.** — немецкий; **праслав.** — праславянский; **ср.-н.-нем.** — средне-нижненемецкий; **тат** — татарский; **тур.** — турецкий, **чув.** — чувашский.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. 1994, Этимологический обзор дистинктивной общей лексики языков ВЯС. — Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка, Казань, 9—30.
- Балдаев Х. Ф., Ефремов П. Г. 1971, Рыбы рек и озер Марийской АССР, Йошкар-Ола.
- Барцева Л. И., Галкин И. С. 2003, Кызытсе марий йылме, Йошкар-Ола.
- Вершинин В. И. 2005, Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков I—III, Йошкар-Ола.
- 2011, Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии, Йошкар-Ола.
- 2018, Марий мут-влак кушеч лиймышт (этимологический мутер) I—II, Йошкар-Ола.
- Даль В. И. 1979, Толковый словарь живого великорусского языка II, Москва.
- Исанбаев Н. И. 1989, Марийско-тюркские языковые контакты, Ч. 1, Йошкар-Ола.
- Лукоянов Г. В. 1974, Марийские заимствования в чувашском языке, Чебоксары.
- Потевский Н. А. 2014, Ихтиологическая номинация «мень» (*Lota Lota L.*) в славянских языках. — Филология и литературоведение, № 4, <http://philology.snauka.ru/2014/04/766>.
- Сабанеев Л. П. 1959, Жизнь и ловля пресноводных рыб, Москва.
- Усачева В. В. 2003, Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации, Москва.
- Фасмер М. 1986, Этимологический словарь русского языка. Том 2. *Е—Муж*, Москва.
- Федотов М. Р. 1990, Чувашско-марийские языковые взаимосвязи, Саранск.
- Bereczki, G. 2013. Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari), Wiesbaden.
- Häkkinen, K. 2007, Nykysuomen etymologinen sanakirja, Juva.
- Hyllested, A. 2014, Word Exchange at the Gates of Europe. Five Millennia of Language Contact. PhD thesis, København. https://static-curis.ku.dk/portal/files/136022384/Ph.d._2015_Adam_Hyllested.pdf.
- Moisio, A. Saarinen, S. 2008, Tscheremissisches Wörterbuch. Aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjö Wichmann, Martti Räsänen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen, Helsinki (LSFU XXXII).
- Ramstedt, G. J. 1902, Bergtscheremissische Sprachstudien, Helsingfors (MSFOu XVII).
- Sebestyén I. 1935, Az uráli nyelvek régi halnevei. — NyK XLIX, 1—97.
- Szilasi M. 1901, Cseremisiz szótár (Vocabularium čeremissicum), Budapest (Ugor füzetek 13).